

Константин Фрес

Звезда Севера

«Литнет»

2023

Фрес К.

Звезда Севера / К. Фрес — «Литнет», 2023

- Она не сказала тебе? - хриплым, простуженным голосом ответил он, смеясь.
- Она повелевает Драконами. То, что она скажет Дракону, он исполнить должен, иначе молния его разорвет. - И что тогда? - Тогда... кому как повезет. Либо смерть, либо мучительная, долгая боль и увечье, - ответил мальчишка легко. - Что стало с Драконом, когда ты приказала ему, колдунья? Он ведь послушался тебя? Ушел, хоть его и поразило наказание. - Ты уже с ним встречалась? - подозрительно произнес Кристиан. Синильга отвернулась, обхватила колени руками, словно было ей зябко, спрятала лицо. - Ты уже сражалась с ним?! Ты победила его однажды?! - Не хочу вспоминать, - глухо ответила Синильга. - Не хочу...

Содержание

1. Ночь	5
2. Пророчество	6
3. Сердечный Брат	9
4. Первый выбор	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

1. Ночь

...Ночное небо было темно-синим, бархатным, а снег под ним в лучах серебряных звезд и взошедшей полной луны сиял, как будто кто-то щедрой рукой насыпал бриллиантов от берега угольно-черной, быстрой незамерзающей реки до самого горизонта. Второе полнолуние с тех пор, как Зверь излечился...

И месяц с тех пор, как он покинул столицу, оставив там свое разбитое сердце и свою любовь – Ягодку. Не ему пришлось выбирать, решила все женщина. И кто же знает, почему она решила именно так... Кто, какой бог ведает, как рождается любовь? Почему порой и одного взгляда достаточно? И почему никакими силами не совладать, не сломать и не исправить этого?

Кристиан свистнул. Ведущий пес его упряжки отозвался протяжным громким воем, нарты, быстро скользящие по снегу, начали замедляться. Собаки брехали, выли, выпуская клубы пара из раскрытых горячих пастей. Мороз крепчал, псы устали, и надо было подумать о ночлеге.

Здесь, на берегу черной реки, на границе вечной ночи Кристиан и остановился. Покуда собаки глодали брошенные им куски мороженого мяса, Кристиан, проваливаясь в рыхлый снег чуть не по пояс, нарубил черного сухого тальника вдоль заснеженного берега, срубил несколько невысоких прямых осинок для кольев – установить небольшой шатер над нартами, чтобы переждать ночь.

Темнота, одиночество и тишина стали его постоянными спутниками. Здесь, глубоко на севере, зима все еще была в силе, и если в столице наверняка уже робко заявляла о себе весна – теплым солнцем, веселой капелью, – то тут и рассвет наступал неохотно, всего на пару-тройку часов небо светлело, становилось серым, а затем мир снова погружался во мрак.

Кристиан не хотел смотреть на солнце.

Его лучи, его алый диск, закатившийся в тяжелые снеговые облака, напоминали ему шелковые кудри Ягодки, и тогда Кристиану казалось, что от одежды его вновь пахнет погребальным костром Якоба, а руки все еще хранят тонкий ягодный аромат...

Кристиан не хотел говорить.

Любой звук, любое слово болью отзывались в его сердце – в том самом сердце, в котором он теперь хранил много невысказанных слов, которыми мог бы убедить Ягодку быть с ним... Но она выбрала Эйвинда. И все слова остались произнесенными.

Кристиан засыпал в крошечной темноте и просыпался в ней же, и иногда ему казалось, что весь мир исчез, не существует. Нет никого на всем белом свете, кроме него, и существует только то, что он видит – вечная ночь и звезды с луной. Беседуя с ними, он убеждал себя, что все – и путешествие в столицу, и Этель с Якобом, и Ягодка с Эйвиндом ему приснились. И тогда ему становилось легче.

Путь его лежал в Северный Порт – прямо на берег Дышащего Ледяного Океана. Там Кристиан рассчитывал сесть на корабль, каких отходило от причалов великое множество, и уплыть на Одинокие Острова – на самый Север, где морозы самые жгучие, а в небе, в зеленых и голубых сполохах словно ворочаются таинственные чудовища. Там, в работе и постоянной борьбе за жизнь его сердце должно было остыть, успокоиться. Если же нет... если же даже весь лютый мороз Севера не сможет его унять...

Но Кристиан не хотел думать об этом.

Становилось все холоднее, собаки скулили, и Кристиан пустил их в шатер, вожака схватил с собой, обнял его меховое тело, прижал к себе покрепче, чтоб согреться. В такие ночи небесные чудовища неслышно гуляли и по здешним облакам...

2. Пророчество

Проснулся Кристиан оттого, что стало ему неимоверно жарко, хотя под руками он не ощущал песьего теплого тела. Он откинул жаркий меховой плащ, потер разгоряченное лицо ладонью – и сел торчком, потому что в его шатре помимо него был еще человек. Собак в шатре не было – Кристиан услышал, как они брешут на морозе и грызут замерзшие кости.

Тихо, точно призрак, сидел незнакомец перед костром, помешивая алые потрескивающие сгорающие уголья прутиком. Вился дым, пахло кипящим в котелке травяным настоем, и тишина стояла такая... словно все кругом притаилось и ждало, когда странный призрак заговорит, разрешит миру ожить и дышать.

- Ты еще кто таков? – Кристиан протянул руку и в голенище сапога нащупал припасенный нож, но смешок странного гостя почему-то остановил его.

- Я судьба твоя, Сердечный Брат Короля, - ответил призрак женским голосом. – Я знаю о тебе все – и как ты спас Короля и каменный город, и как теперь бежишь прочь, желая свое сердце остудить.

- Мне дела нет до того, что ты знаешь обо мне, - огрызнулся Кристиан, ладонью отгоняя вьющийся дым. – Тоже мне, тайна... об этом все королевство, небось, болтает. Мне нужно знать о тебе!

Под полог шатра сунулась наглая любопытная песья морда, потянуло холодом, дым разошелся, ринувшись вверх, и в скудном свете Кристиан, наконец-то, разглядел странную гостью.

Она сидела на брошенной на снег шкуре, поджав под себя ноги в меховых грубых штанах и больших меховых сапогах. Тело ее от мороза грубая укрывала шуба из оленьих шкур, с песцовым капюшоном, украшенная странными вышивками красными яркими нитками, а на голове был странный убор – тонкая узорчатая ленточка, с которой серебристым дождем спускались нити бисера, длинные, до самых плеч, частые, закрывающие лицо. И волосы ее были под стать этому бисерному серебряному дождю. Светлыми толстыми косами спускались они на грудь, вьющиеся серебряные кончики их лежали на снегу, как лучи луны.

- Так кто ты, призрак? – переспросил Кристиан. – Зачем ты нашел меня в ледяной пустыне?

- Синильга, - звучным глубоким произнесла женщина, ломая хрупающий прутик и подкладывая огню новую пищу. – Меня зову Синильга, я беседую с теми, кто ушел и с теми, кто еще не родился.

- Колдунья, - подвел итог Кристиан, откидывая нагретые жаром его тела шкуры и опуская ноги на снежный пол своего ночлега. – Шарлатанка и обманщица. Я не верю в колдовство, женщина. Я верю только в людей, в их добрую волю и в их злые помыслы. Больше и нет на свете ничего.

Синильга помолчала, слушая его язвительные слова.

- Я не заставляю и даже не прошу тебя поверить в колдовство, – произнесла она, наконец. – Я колдовать не собираюсь, да и не умею. Если б я обладала чарами... о, если б это было так!

- То что было бы тогда? – насмешливо поинтересовался Кристиан.

- Тогда, - сухо ответила Синильга, явно обиженная его колкостями, - ты не нужен был бы мне, чтобы избежать пророчества и наши пути не сошлись бы, Сердечный Брат Короля.

- И в страшные пророчества, - со смешком ответил Кристиан, - я тоже не верю!

- Да? – отозвалась Синильга. Теперь ее голос звучал язвительно и колко. – И в судьбу не веришь? «Давай, Этель, покажи мне, как выглядит твоя судьба!»

Голос ее огрубел, став удивительно похожим на его собственный, и слова, произносимые ею, слились со словами, промелькнувшими в его памяти.

- Это тоже мне рассказала людская молва? – издеваясь, продолжила Синильга, глядя на потрясенного Кристиана. – Здесь, в диких снегах? Или псы выболтали все мысли твои?

- Ведьма, - выдохнул Кристиан, лихорадочно припоминая, куда же он положил оружие. – Да что тебе нужно? Морочить меня пришла?

- Я пришла, - холодно ответила Синильга, - чтобы предложить тебе сделку. Но ты же не слушаешь меня. Предпочитаешь издеваться и смеяться надо мной.

- Говори же, колдунья!

- Так слушай, упрямый рыцарь.

Синильга неторопливо наклонила котелок с кипящим варевом, плеснула пахучего настоя в глиняную кружку и обхватила ее ладонями, словно замерзла и хотела отогреться ее жаром.

- Давно это было, еще прабабка моя была жива, - глухо начала она свой рассказ, - а я была так мала, что только и видела, что потолок над своей колыбелью, в наше поселенье пришел недобрый человек. Откуда он и как его звали – никто не знал, да только явился он с запада, оттуда, где тепло, где много городов и зимы не так суровы. И пришел он якобы за тем, чтобы выкупить у наших родителей их детей. Говорил, что его сыновьям нужны сильные жены. Говорил складно, умно, грамотно, платил чистым золотом. И некоторые, наслушавшись его сладких речей, соблазнившись на деньги, отдавали своих детей ему. Конь его был упитан и чист, собаки не злы и не голодны – так, стало быть, и с детьми он по-доброму обращаться станет. Так размышляли наши старики. Одного только не учли они: и конь, и собаки ему в дороге были нужны, а вот дети... Дети ему нужны были совсем для других нужд! Каждого младенца он тщательно осматривал, спрашивал о дне, когда тот родился, об имени, данном ему родными. Отобранных отсылал к своим слугам, платил деньги и уверял, что на западе подросшее дитя не будет знать бед...

Да только, говорят, в лесу, под снегом, начали вдруг находить останки человечьи, маленькие кости, обглоданные псами... и замерзшие, изуродованные до неузнаваемости маленькие головы... Словно раздавленные жуткой силой, выпотрошенные, как пустые карманы, в которых искали затерявшийся последний медяк.

После этих вестей верить приезжему перестали, хоть он и повторял свои ласковые, сладкие слова и звенел золотом в кошельке. Его гнали прочь, а он не уезжал. Кружил вороном, ко всем в дом напрашивался, лез, словно едкий дым... И однажды попал и к нам.

Хоть я и говорить не умела тогда, а навсегда я запомнила тот день и его слова. И лицо его – жуткое, словно он и не человек вовсе, а стервятник, падальщик, учуявший близкую смерть рядом. Увидев меня, он затрясся весь, побледнел, огнем вспыхнули его черные глаза, губы задрожали. «Ее хочу! - закричал он, протягивая ко мне руки. – Вот же та, которую я искал все это время, вот она, *Синильга!*»

Но отец с матерью уже были наслышаны о его черных делах и, хоть и были напуганы тем, что незнакомец явно колдун, раз так точно угадал мое имя, а погнали его прочь. А бабка плеснула под ноги ему ледяной воды – так за покойниками смывают, чтоб дух умершего не являлся в дом и не тревожил людей.

Тот впал в ярость, в лютую злобу, и даже пытался выхватить меня из колыбели, но старший брат пригрозил ему мечом и выгнал прочь. И вот тогда... тогда, уходя, проклятый колдун посмеялся, жутко посмеялся над нами, и сказал, глядя мне прямо в глаза:

- Хорошенько запомни, что сейчас я скажу! Сама ко мне придешь, сама явишься, ни крошки золота не получит твоя глупая родня! Да и получать будет некому – все мертвы уже будут! Все! Ты нести смерть будешь, Северная Звезда. И люди сами тебя мне выдадут, связав по рукам и ногам! А я подожду!

И ушел.

- И что случилось тогда? – с интересом любопытного ребенка, слушающего сказку, спросил Кристиан.

- Тогда... - протянула Синильга. – Тогда его проклятье исполнилось, ведь он кричал о нем налево и направо. Люди вокруг меня начали умирать. Находились те, кто хоте выдать меня колдуну, опасаясь его мести, и ровно столько же находилось моих защитников. И погибали в драке все – и те, кто замышлял добро, и те, кто думал о зле. Без разбора. Никого не спасала справедливость.

Так погибли мои отец, братья. Мать; из последних сил она защищала меня, но и ее убили озверевшие от суеверного страха люди. Я бежала; всего добра у меня, что олень, нарты и оружие. Так я странствую уже два года в поисках тебя, Кристиан.

- Меня? – удивился Кристиан. – Я-то тебе зачем?

- Духи говорили со мной, - со смертельной тоской ответила Синильга. – Те, в которых ты не веришь, Кристиан. Те, с которыми нельзя договориться, кого нельзя упротить, у кого нельзя вымолить пощады. Они указали мне на тебя и на место, где наши судьбы сойдутся. Неумолимые духи сказали мне, что ты правильно выбираешь людям судьбу, Кристиан.

- Правильно... - Кристиан скрипнул зубами, опустил голову, скрывая злой взгляд. – Как же правильно, колдунья, если не сумел разглядеть, что моя женщина не мне достанется?

- Значит, это была не твоя женщина, - спокойно ответила Синильга. – Свою ты б не отдал другу. Никому б не отдал. Но судьбу ты выбрал точно – одним своим словом. Всем. Вот и я хочу... чтобы ты мне судьбу выбрал. Я решилась. Не нужно тебе на берег Океана, и на острова тебе не нужно. Отвези меня колдуну, Кристиан. Ведь зачем-то я ему нужна? Зачем-то он ждет меня? Среди людей нет не места, все равно однажды кто-нибудь поймает и отдаст меня ему. Так пусть это будешь ты. Ты ему только слово скажешь, и слово твое исполнится. Выбери мне хорошую судьбу, Кристиан. Я жить хочу, и боюсь страданий и боли. Так помоги мне. Ты можешь сделать это.

- Хм, - хмыкнул недоверчиво Кристиан. – Ну, предположим, соглашусь. Только мне-то с этого какая выгода?

- Духи сказали, - с тоской ответила Синильга, - что когда ты решишь мою судьбу, отдашь меня колдуну, сердце разбитое твое тотчас излечится. Хочешь поскорее остудить свою рану? Тогда идем со мной. Какая тебе разница, когда и какой корабль отвезет тебя на острова? Ты ищешь опасностей, но зачем ходить далеко? Поверь: со мной ты никогда не будешь в безопасности. И от печали своей избавишься. Что ты теряешь? Ничего. Ты итак все готов потерять, так какая разница, в какой стороне света?

Кристиан слушал ее неторопливые слова, голова его склонялась все ниже.

- Да. Ты права, - глухо ответил он. – Терять мне нечего. Я отвезу тебя к твоему колдуну, Синильга.

3. Сердечный Брат

Путешествие с колдуньей на восток было не сложным делом. Она ехала впереди на своих нартах, в которые был впряжен северный белый олень с красивыми ветвистыми рогами, Кристиан на своей собачьей упряжке – за нею. Долгие дни, слившиеся в одну непроглядную синюю ночь, рядом с ними никого не было, ни единой живой души. Не пахло дымом и жильем, не было слышно лая собак, охраняющих дома. На ночлег путники останавливались, порядком замерзнув и устав. Кристиан кормил своих собак, Синильга – оленя, и наступала долгая молчаливая ночь.

Они почти не разговаривали, греясь у костра в наспех поставленном шатре.

Синильга, казалось, и не спала совсем. От усталости ее плечи опустились, сторбились, и в неверном свете костра она казалась Кристиану совсем крохотной, измученной, высохшей, как кусок плавника*, вынесенный на берег Океана и выбеленный северным солнцем до мертвенного серого цвета. Засыпая, Кристиан видел, как она сидит у огня, шевеля прутиком рдеющие угли и бормоча что-то себе под нос, и просыпаясь, он заставлял ее в том же месте, в той же позе. Нити серебристого бисера, словно капли талой воды, стекали по ее лбу, очерчивали линии щек и терялись в меху ее одежды, темные недобрые глаза сверкали из-под блестящей завесы. Все чаще и чаще он ловил на себе ее взгляд, все чаще она отворачивалась стыдливо, встретившись с ним глазами, и все печальнее вздыхала, пряча руки в меховых рукавицах. Иногда она варила в котелке кипящий алый отвар и пила его, и тогда всю ночь сквозь сон Кристиан слышал ее голос, бормочущий что-то...

- Как ты видишь? – спросил Кристиан. Это был едва ли не первый вопрос, заданный им Синильге за все время, проведенное вместе. То, что она прячет от него лицо, невероятно бесило его.

- Духи видят вместо меня, - ответила Синильга. – Они ведут меня и не дадут упасть.

- Духи, - передразнил ее Кристиан насмешливо. – А если нападет кто? Духи за тебя драться станут? Или мне придется, пока ты будешь сидеть с закрытыми глазами?

- Духи направят мою руку, - ответила Синильга. – Не беспокойся. До сих пор только я сама и защищала свою жизнь. Могу и тебя защитить... пока ты спишь.

В голосе ее послышалась обида, и Кристиан стушевался, смутился от собственной неуклюжести и грубости. Он не хотел причинить ей боль, но отчего-то не смог сдержать накопившееся раздражение. Темнота и вынужденное молчание доконали его, лишили терпения.

Синильга, казалось, тоже была на пределе.

Чем ближе они были к границе полярного круга, чем дольше по утрам солнце задерживалось в небе, тем становилась она беспокойнее и злее. Северный злой ветер вплетал в ее светлые косы еще больше серебра и высушивал жизнь в ее маленьком теле. Ее шест нещадно погонял оленя, она кричала что-то на непонятном Кристиану языке, и даже снежные бури не сразу останавливали ее. Сквозь них она готова была ехать вперед, к своей цели, и Кристиану приходилось не раз окликать ее, чтобы она услышала и остановила этот безумный бег. И она останавливалась с видимой неохотой, приближалась к нему так, словно ей невыносимо было находиться рядом с провожатым, которого сама упросила ехать с нею. Иногда Кристиан думал, что теперь она не просто едет к своей цели, но бежит от него – словно боится, что и его рука однажды поднимется против нее. Он прислушивался к своему сердцу – нет, не хотелось. Не хотелось убить ее, и золото, обещанное колдуном, тоже его не соблазняло. Он Синильга этого не могла знать, не могла прочесть в его сердце и поэтому смотрела на него подозрительно. По вечерам, когда он раздевался и натягивал новую, пропахшую морозом рубашку, свет играл золотыми бликами на его плечах, на сильных руках, на гладкой коже спины, и Синильга вздыхала и куталась в свои меховые одежды все плотнее.

Поэтому и колкость Кристиана, отпущенная в ее адрес, не прошла бесследно. Обычно немногословная и спокойная, как скала, Синильга вдруг стала язвительной и хитрой, как ядовитая змея, изгоставливающаяся ужалить врага. И ее укус пришелся прямо в сердце.

- А она, - рисуя своим прутиком неведомые символы в остывшей золе, - на самом деле пахнет ягодами, или ты это придумал?

Кровь отлила от лица Кристиана, ему показалось, что мороз коснулся его щек и выстудил тело до мертвого ледяного звона.

- Откуда ты знаешь? – прошептал он побелевшими губами. – Откуда знаешь?!

- Ты во сне говорил, - ответила Синильга. В ее голосе звучал смех и торжество; она отомстила за причиненную ей боль, ее глаза зло сверкали из-под серебристого бисера. – Так правда это?

- Не твое дело, старуха! – рявкнул он, багровея. Теперь вся кровь прилила к его лицу, обжигая кожу стыдом. Кто-то посторонний коснулся его сокровенной тайны, влез, разворошил грязными руками потаенное, и от этого на душе было гадко и противно.

- А я чем пахну? – продолжала Синильга вкрадчиво, пристально наблюдая за Кристианом, но словно не замечая его гнева. Она как будто нарочно дразнила его, цепляла, колола острием кинжала в кровоточащее сердце, чтобы посмотреть, как то затрепещет от боли.

- Тем, чем тебе и полагается – хвоей, потом, дымом и рыбой, как и все твои соплеменники, старая ведьма! – рявкнул Кристиан. Синильга едко захихикала, прихлебывая свое пахнущее травами варево, сжимая кружку руками в меховых варежках. – Не смей своим поганым языком прикасаться к тому, в чем сама не понимаешь!..

- А то что? – хихикнула Синильга в очередной раз, словно смакуя его гнев, ярость, наслаждаясь его желанием сорваться, причинить боль. – Убьешь меня? Ты итак везешь меня на погибель.

- Сама просила! – расвирипел Кристиан. Он совершенно не понимал, зачем колдунья дразнит его, зачем морочит голову, что хочет добиться этим. – Брошу тебя здесь – и все!

- Ты обещал, - насмешливо ответила Синильга. – И это не только мне нужно, не забывай. Ты сам излечишься...

- Ты лжешь! – взревел Кристиан, подскакивая на ноги. Его огромная фигура угрожающе нависла над крохотной Синильгой, так же неподвижно сидящей на брошенной на снег шкуре. – Лгут твои духи! Или и вовсе нет их, никого нет!

- Хочешь сам узнать? – уже спокойно ответила она, протягивая ему бесстрашно кружку.

- Что это? – Кристиан отшатнулся, ощутив горячий горьковатый запах, исходящий от алого, как кровь, варева.

- Это мой напиток, - спокойно ответила она. – Кровь богов. Он помогает мне слышать тех, кого нет. Попробуй; я знаю, тебе есть с кем поговорить. Я его тоже слышу.

- Кого? – одними губами выдохнул Кристиан. Зрачки в его глазах превратились в черную крохотную точку, и Синильга снова усмехнулась, глядя в его лицо – напряженное и отчасти испуганное.

- Твоего сердечного Брата, Якоба, - ответила она, настойчивее предлагая ему кружку. – Бери! Он зовет тебя. Никого больше ты не сможешь понять, мертвые не видят тебя, а этот ждет и зовет только Кристиана. Он хочет стать твоим личным хранителем и отплатить тебе за твое добро сполна. С тобой он будет говорить иначе, чем со мной. Мне он не скажет того, что скажет тебе. Не бойся – ты ведь не боишься, храбрый сердечный Брат Короля?

В голосе ее снова прозвучала лютая усмешка, под бисером засверкали темные глаза, и Кристиан, дрогнув, решительно взял из ее рук кружку и поднес к губам. Горячий отвар ожег язык, сладковатой тягучей горечью пролился в горло, и исчез темный дымный шатер и смеющаяся противная ведьма...

- Здравствуй, Сердечный Брат. Жить тебе еще сотню лет.

В месте, где навечно поселился Якоб, была осень. Багровой рекой текли на землю опадающие с высоких деревьев листья, кружевным золотом трепетали они на рябинах, алеющих яркими гроздьями ягод. Высоко в кронах перекликались прозрачными голосами осенние птицы, воздух был свеж и прохладен. Якоб задумчиво рассматривал осеннее великолепие, щурился, глядя в пасмурное небо. В Посмертии исчезли шрамы с его измученного лица, затянулись раны, сгоревшая одежда сменилась новой – такой, какая она была до того, как Этель изгнала его в катакомбы. Посмертие подарило ему покой и красоту, каких он не знал при жизни.

- И тебе покоя, Якоб, - ответил потрясенный Кристиан. – Ты... ты хотел меня видеть?

- Я всегда не прочь поговорить с тобой, Сердечный Брат, - Якоб протянул руку, его короткие крысиные пальцы с грязноватыми ногтями цапнули с рябины ягоду, растерли ее, превратив в оранжево-красную кашицу. – Горькая... она же горькая.

За стволами деревьев послышался серебристый смех, мелькнуло оливково-льняное платье. Якоб обернулся – казалось, прячущаяся за осенним лесным великолепием девушка дразнила их, бегала вокруг полянки, таилась в ветвях, смеялась и звала по именам мужчин красивым хрустальным голосом.

- Она не лжет тебе, - отчетливо произнес Якоб, внимательно и строго всматриваясь в лицо Кристиана. – Синильга. Вот твоя судьба, с тобой рядом. Слышишь ее? Ты излечишься... излечишься от своей раны. Забудешь Ягоду. И это будет хорошо. Ты же знаешь, у меня было много женщин, и ни одной из них я не был нужен. Всем противен и страшен. Это горько. Я в том сам виноват, и судьба моя такова, а ты...

- Я не верю этому, - Кристиан покачал головой, отступив от Якоба. – Это наваждение, морок... Это Синильга опоила меня и говорит твоими устами!

- Разве? – сердито произнес Якоб. – И она может знать, о чем мы говорили той ночью?

- Я это знаю, - ответил упрямо Кристиан. – Она просто может заставить меня вспомнить... Она на все пойдет, все сделает, сладких речей в уши мне нальет, чтобы я верил ей.

- Тогда крепко запомни то, что я сейчас скажу тебе, - произнес Якоб, злобно окрысившись. Казалось, его некрасивое лицо сморщилось, как морда грязной серой крысы. – Ты, Кристиан, человек добрый, сердце у тебя золотое, и всем ты хорош, да только ты раб чужих желаний. Свои желания тебе кажутся не важными и мелкими. Поэтому ты привык отступать. Поэтому ты уступил свое счастье Зверю. Потому что ты боишься сделать шаг вперед. Поэтому тебе сейчас больно. А за свое счастье надо драться, Кристиан! И иногда надо делать не так, как тебя просят!

Последние слова Якоб прокричал яростно и громко, почти визжа в истерике и прыгая на грудь оторопевшего Кристиана, как огромная хищная крыса. Когти его сомкнулись на шее Кристиана, из разорванной кожи брызнула кровь, и Кристиан, воя, повалился на траву, слыша, как звенит его меч, покидая ножны.

Реальность навалилась на него лютой стужей, обожгла плечи жестким зернистым снегом, сдавила виски крикам и звоном оружия. Заходились в злобном лае привязанные собаки. Моргнув глазами, Кристиан не сразу сообразил, что он выпал из шатра почти раздетый на снег, и что лежит теперь, сжимая в руке меч. Якоб вытолкнул его не только из волшебного сна – он всеми силами попытался поднять огромное тело сердечного Брата и повести его в бой, который уходил все дальше, в темноту, но у Якоба не вышло, не получилось.

- Синильга!

Двое нападали на нее. Их черные плащи распахивались и летели, как грязные крылья хищных злобных птиц, их быстрые мечи светлыми лучами мелькали в их руках, отражая удары

серебряного копья в руках колдуньи, и Кристиана словно кипятком обварило, когда один из этих мечей коварно и быстро кольнул в бедро Синильги.

Она закричала от боли и страха, припав на колено, но ее копье успело отразить следующий удар прежде, чем Кристиан подоспел на место схватки и его меч, напившись крови врага, насквозь пробил его тело.

- Держись!

Второй нападающий, казалось, не увидел, не заметил смерти своего товарища, и продолжил теснить раненную колдунью. Взрывая снег, оставляя на нем темные следы, они рубились страшно и быстро, и Синильга снова вскрикнула, когда быстрый меч ее противника полоснул ей по плечу, распоров оленью шубу.

- Ах ты, нечисть!

Кристиан в прыжке настиг нападающего, его пальцы впились убийце в плечи. Все телом навалившись на того, Кристиан увлек его в снег, уронил, подмял под себя, и парой ударов рукоятью меча по затылку уgomонил его. Под окоченевшими на морозе пальцами стало горячо и мокро, что-то хрустело и потрескивало. Кажется, Кристиан раскрошил нападающему череп и прибил его до смерти. Но это было уже не важно.

- Ты ранена!

По колено проваливаясь в снег, Кристиан кинулся к скорчившейся в муке колдунье, ухватил ее, поднял на руки.

- Зачем же ты меня поила этой гадостью?! Зачем усыпила?!

- Он обещал... - пробормотала Синильга заплетающимся от боли языком. – Обещал... что разбудит тебя... он выполнил...

- Он мог не успеть! Он почти не успел!

Спотыкаясь, почти падая, Кристиан помчался в шатер. Синильга жалобно постанывала в его руках, и отчего-то ему было невыносимо жаль колдунью, до того мучавшую его своими насмешками. В шатре он уложил ее на свое ложе, пинками выгнал любопытных псих, подложил в еле тлеющий костер побольше хворосту, и огонь запылал, ярко освещая все кругом – и стонущую раненную.

- Ну-ка, дай посмотрю...

Она слабо сопротивлялась, но он все равно стащил с нее распоротую шубу – и встал, как вкопанный. Руки Синильги, с которых он стащил меховые варежки, были руками молодой девушки, под окровавленной рубашкой вздымалась молодая грудь...

- Что за демон, - ругнулся Кристиан, рванув ее рубашку у ворота и разрывая ее до самого подola. – Ты... ты...

Под руками его, открывшееся под разорванной тканью, было нежное молодое тело, белое, как у всякой северянки, как у его соплеменников, у него самого и у Зверя. Маленькие красивые груди, круглые, как яблочки, с остро торчащими темными сосками, нежный животик, тонкая талия... Рывком тащил он с нее меховые штаны и замер, рассматривая длинные ножки, стройные бедра...

- Да ты совсем юная, колдунья!

Ладонью он смахнул с ее лица ненавистный серебряный бисер и ахнул, опустив руки.

На него смотрела совсем юная, красивая девушка. Ее темные, почти угольно-черные глаза истекали прозрачным слезами, а богатые косы оказались не седыми, а посеребренными самой природой. Дрожа, стуча от холода зубами, она стыдливо прикрывалась тонкими девичьими руками, из рассеченного плеча сочилась кровь.

- Не смотри на меня! – выкрикнула она, отвернувшись. – Не смотри...

- Но тебе помочь надо! – все так же растерянно произнес Кристиан. Вид девушки смутил его, взволновал кровь, и к стыду своему мужчина ощутил приятную тяжесть в животе, легкое возбуждение. Как давно не было у него женщины? А юная колдунья была хороша. Кристиан

сглотнул ком в горле, опустил глаза, прогоняя грешные мысли. – Послушай меня: я не трону тебя! Я только осмотрю твои раны, и...

- Не смотри!

- Ты стесняешься меня? – спросил Кристиан, пытаясь отвести ее руку и рассмотреть рану на плече. – Мужчины не было никогда? Это ничего, это...

- Был, - глухо ответила Синильга, отвернул лицо от Кристиана, но тот все равно заметил, что она плачет, содрогаясь. – Был. Любил.

- И куда ж он делся?

Девушка вся задрожала, беззвучно рыдая, и взгляд Кристиана почему-то перешел на ее брошенную шубу. На яркие узоры, вышитые алыми нитками. Только сейчас он с ужасом понял, что никакие это не узоры. Это были штопки, которыми Синильга чинила свою одежду после каждого ранения. И самая большая и замысловатая штопка была на животе, красивая и большая, как распутившаяся роза...

- Я убила его, - глухо ответила Синильга, не глядя на него. – Я очень хотела жить, Кристиан. Поэтому говорю тебе – не смотри на меня. Не смей смотреть. Не нужна мне твоя помощь. Я же колдунья, забыл? Заговорю раны, они исчезнут, как и не было. Не в первый раз. А тебя убить мне будет сложно, Кристиан.

- Я... я нравлюсь тебе?!

Вопрос прозвучал дико, испуганно. Кристиан вспомнил все ее странные взгляды из-под серебристого бисера, ее издевки. Отталкивала, не давала приблизиться к себе...

- Да, Кристиан. Ты мне нравишься. Но я не хочу, чтоб нравился. Ведь если мне придется убить тебя...

В сердце Кристиана защемило, он сгреб в охапку голенькое тонкое тельце, прижал к себе, целуя гладкие серебряные волосы.

- Ах ты, глупое дитя, - дрожащим голосом произнес он, укачивая Синильгу, как ребенка. – Глупенькое дитя... не захочу я убить тебя. Уже не раз спрашивал себя, и знаю, что не нужны мне сокровища колдуна. Я выберу тебе судьбу, Синильга, хорошую судьбу, клянусь

*Плавник – имеется в виду кусок дерева, коряга, долго бывшая в воде, плававшая.

4. Первый выбор

- Ну, что я тебе говорил? Веришь теперь мне?

Кристиан не сразу понял, где находится. Текущая багрово-золотая река листьев наводила на него уныние и тоску, хрустальный смех прячущейся за деревьями девушки то удалялся, то снова приближался. Кристиан пробовал ее преследовать, но она всякий раз ускользала, исчезала за золотым осенним кружевом.

- Кто она? Кто это?

- Судьба твоя, - уже сердито бубнил знакомый голос, и Кристиан, обернувшись, снова увидел Якоба. - Та, которая тебе предназначена. Не Ягодка твоя... горькая.

В голосе Крысиного Короля проскользнула обида, Кристиан, глянув в его лицо увидел, как злобно сверкнули его маленькие глазки, как искривился не улыбочивый рот. Губы его были перепачканы оранжевым и красным и Кристиан не смог сдержать улыбки. Якоб выглядел как ребенок, который тайком от родителей наелся красивой, но горькой ягоды, и теперь сердился непонятно на кого.

- Зачем ты напугал меня тогда? - спросил Кристиан, рассматривая сердитого Якоба. Тот снова окрысился, показал острые зубы, наморщил горбатый мясистый нос:

- Я же крыса, - напомнил он, помахав у Кристиана перед носом короткопалой рукой, удивительно похожей на крысиную лапку с острыми ногтями. - А у нас, у крыс, лучше укусить брата, если он не чует опасности, чем потерять его. Уж извини. Я таков, и иным мне не стать никогда. Так ты веришь мне теперь? - нетерпеливо переспросил он.

- Верю, Сердечный брат, - легко ответил Кристиан.

- Садись, - Якоб махнул рукой в сторону травы, в которой пестрым ковром лежали листья, и сам плюхнулся на лесную подстилку, нисколько не заботясь о чистоте своей одежды. - Говори.

Кристиан с вопросами не спешил. Неторопливо он опустил, так же неспешно оправил плащ на плечах, нерешительно тронул рукоять меча.

- Ну?!

- Зачем этому колдуну Синильга? - произнес наконец Кристиан, и Якоб раздраженно фыркнул, с хрустом почесал выпуклое пузко.

- Ты думаешь, я знаю? - насмешливо произнес он. - Духи не боги. Они знают только то, о чем живые им сами рассказывают. То, о чем признаются в молитвах и мечтах. Такой человек, - голос Якоба понизился до вкрадчивого шепота, его внимательные умные глазки смотрели в лицо Кристиана не мигая, - расскажет о своих планах? О своих тайнах? О своих желаниях и страхах? Нет, брат, нет! Он накрепко ото всех свои мысли запер, я даже не вижу его на вашей земле. Может, есть кто-то, с кем он делится своими тайнами - да наверняка есть, ведь нашептал же ему кто-то об этой Синильге, - да только мне он не ведом. Что я? Я простой человек. А они, - Якоб многозначительно поднял вверх палец, словно указывая на кого-то, кто находится много выше него, - они намного хитрее меня устроены, и намного опаснее. Может, этот колдун хочет с Синильгой ее силу поделить. Может, нужна она ему для ритуала. или, например, он хочет выводок от нее - как это у вас, у людей? Детей! Наследников! Жениться, может, на ней хочет. Или... убить.

- Убить, - эхом повторил Кристиан. - А ты можешь увидеть, когда... нам с ней срок придет?

Якоб хмуро покачал головой, все так же строго глядя в лицо Кристиана.

- Я не бог, Кристиан, - повторил он, но голос его смягчился. - Боги с умершим не делятся своими планами, даже если проходят совсем близко. Я не знаю, как они распорядятся твоей судьбой. Я не вижу так далеко. Все, что я вижу впереди - это твой путь и вот ее, - Якоб кивнул на девушку, которая, казалось, притаилась за деревьями и прислушивалась к их разговору.

Кристиан видел ее ловкие пальцы - они перебирали листья в богатом осеннем венке, - ее босые ноги - привычные к холоду, они топтали зеленую еще траву, чуть затронутую первыми холодами.

- А она кто?

Якоб развел руками.

- Думаешь, она дастся мне в руки? - грубо спросил он, намекая на свое прошлое. - Не показывается она мне. Знаю только одно - тобой от нее пахнет. Твоя одежда на ней. Твой плащ. Вчера в траве перстень нашел - тоже твой. Твоя она. Скоро твоей будет. С ней и утешься - так боги хотят, так они задумали. Молодая, ловкая, веселая. В любую сторону света пойдешь - и ее встретишь.

Кристиан задумчиво посмотрел на девушку, силуэт которой угадывался за трепещущими листьями. Боги, верно, приготовили ему славный подарок. Хорошая девушка, сильная. Ладная. Здоровая. Только отчего же образ колдуньи тревожит теперь его разум?

- Надолго ли... - пробормотал он, вспоминая свое слово, данное Синильге, и таинственного колдуна. Якоб пожал плечами.

- Как боги распорядятся, - просто ответил он. - Может, на неделю, а может, и навечно. Но если ты погибнешь... если умрешь... то я рад буду разделить с тобой мое посмертие. Нравится тебе здесь?

Кристиан огляделся, губы его дрогнули.

Ягодка, Ягодка... о таком лесном рае грезил Зверь, сыпля проклятья на голову Этель! По этой тропинке, убегающей под полог притихшего темного леса, хотел он идти, и здесь, под орешником или под дубами, хотел повстречать красивую дочь охотника, рыжую, как сама осень, Катрину!

- Нет, брат, - медленно проговорил Кристиан. - Это место красиво, но навеивает на меня тоску, не хочу я тут провести вечность.

- Ну и зря, - грубо сказал Якоб. Наверное, он мог бы еще сказать что-нибудь о вкусных грибах и орехах, которые тут были в изобилии, но не стал. - Но смотри же: я тебя предупреждал, Кристиан, - Крысиный Король погрозил когтистым пальцем. - Не будь рабом чужих желаний и слушай то, чего сам желаешь!

Кристиан вздрогнул и очнулся ото сна, приподнялся на локте. Синильга спала рядом - крохотная, завернутая в его плащ. Ее дыхание было еле слышно, Кристиан осторожно, чтобы ненароком не разбудить девушку, приподнял тяжелую толстую ткань, чтобы осмотреть раны колдуньи.

Рассечение на плече почти затянулось, алой полосой перечеркивая белизну кожи. Кровь, кое-как стертая, засохла и отставала мелкими чешуйками. Но от больной, измученной девушки пахло не горьким потом и не сладкой кровью, а... Кристиан чуть опустил лицо, почти коснулся носом ее теплого плеча.

Удивительно.

Пахло снегом. От Синильги действительно пахло снегом, первым, свежавыпавшим, чистым, белоснежным первым снегом. Запах этот был таким острым и свежим, что Кристиан на миг отпрянул, обернулся на опущенный полог, ожидая увидеть любопытную песью голову, впустившую в шатер холодный ветер снаружи.

Но нет; не было псов и не было ветра, который мог бы притащить с собой этот запах.

- Синильга, - проговорил Кристиан, усмехнувшись. - Снежная девушка...

...Кристиан поставил на огонь большой котел, наполнив его водой из черной речки. В ее же быстрых волнах он добела отмыл окровавленную рубашку Синильги, выкрутил, отжимая воду.

Когда он вернулся в шатер, колдунья, бормоча что-то под нос, зашивала свою шубу красными нитками. Она сидела, поджав ноги, обнаженная, спиной к огню, блики играли на ее потной коже, окрашивая ее в золотистый цвет, а раны на ее плече и бедре совсем затянулись. Они были бледными и тонкими и выглядели как морозный узор на стекле.

- Я принес горячей воды, - сказал Кристиан нарочито грубо, стараясь не смотреть на обнаженную девушку. - Чтобы смыть кровь и остатки болезни...

Синильга не отвечала, и он шагнул ближе, чтобы посмотреть, чем она занята.

Ее быстрые пальцы ловко орудовали толстой иглой, стягивая распоротую шкуру. И чем крепче она стягивала шов, тем белее становились ее раны. Черные глаза ее словно смотрели в небытие, в пустоту, губы что-то шептали, и Кристиану стало жутко. Чтобы как-то отвлечься, он раздобыл в своих запасах кусок чистого полотна, окунул его в горячую воду и провел им по обнаженной спине колдуньи, смывая подсохшие потеки крови. От его прикосновения Синильга вздрогнула, но смолчала, не прогнала, и он, смыв ткань, провел ею по спине девушки увереннее. Стежок за стежком она возвращала себе здоровье, а он смывал с ее кожи все следы ранения. Медленно, словно боясь спугнуть, Кристиан вымыл ее шею, спину, ноги. Синильга сидела все так же неподвижно, лишь слегка вздрагивала, когда рука Кристиана прикасалась к внутренним сторонам ее бедер.

Когда его рука с зажатой в ней мокрой тканью скользнула по ключице девушки, Синильга дрогнула, опустила плечи, словно попыталась закрыться от Кристиана. Капли воды поползли по обнаженной груди девушки, скатились на острый темный сосок, и Кристиан с трудом смог отвести взгляд от совершенной красоты этой женщины.

- Да что такое? - недовольно спросил он, отстранившись. - Не бойся. Я же сказал - не трону тебя.

- Я и не боюсь, - насмешливо фыркнула Синильга, недобро зыркнув своими черными глазницами. - Можно подумать, ты один тут, кто может причинить вред...

- Вообще-то, - едко заметил он, - от напавших я тебя защитил. Без меня они убили бы тебя.

- Не убили бы, - отбрасывая шубу, зло зашипела Синильга - чисто как кошка на нечисть. - Не в первый раз!..

- Вред, о котором я говорю, - не менее едко продолжил Кристиан, - ты мне точно причинить не сможешь...

- Точно?! Не смогу?!

Одним прыжком, словно рысь или другая крупная кошка, извернувшись в воздухе, Синильга напрыгнула на Кристиана, и тот и глазом не успел моргнуть, как очутился лежащим в ворохе шкур. А колдунья, которая еще недавно стонала от боли и казалась беззащитной, как замерзшая птичка со сломанным крылом, сидела на его груди, стиснув его крепкими коленями, прижав к его горлу острый кинжал, до крови ранив кожу. Ее черные глаза смотрели в его яростно, тонкие ноздри трепетали от гнева.

- Я, - высокомерно процедила сквозь сжатые зубы она, - могу взять все, что мне нужно! Твою жизнь тоже, Сердечный Брат Короля!

- Я же не жизнь твою хотел взять, - ответил Кристиан, опустив взгляд с ее яростного лица на ее грудь. На маленькую, лилейно-белую грудь с коричневыми острыми сосками, колышущуюся над ним... Его ладонь скользнула этой груди, Кристиан словно замороженный смотрел, как его собственный палец теребит острый темный сосок, поглаживая его, и даже еще опаснее прижавшийся к его горлу кинжал не заставил его убрать руку.

- Что это ты задумал такое, мерзавец, - зашипела Синильга яростно, отпрянув от Кристиана и неловко прикрывая грудь рукой. - Если ты подумал, что я...

Она еще что-то говорила, но Кристиан словно не слышал. Да, он действительно не слышал ее слов. Поднявшись, он обнял ее за бедра, подхватил под мягкие ягодицы и придвинул

ближе к себе, так близко, что ее подрагивающий голенький животик прижался к его животу. Дрогнула ее рука, откинув прочь кинжал, ладони стыдливо прикрыли грудь от мужчины, но он, словно загипнотизированный, перехватил ее запястья, отнял от ее груди ее руки и сам лицом прижился к груди девушки, губами поймал сосок, жадно облизнул его горячим языком.

- Иди-ка ко мне, нежная...

- Что ты делаешь, что делаешь, - дрожащими губами бормотала Синильга, чувствуя, как его ладони разжались, отпустили ее запястья и теперь скользят по ее гладкой гибкой спине, чуть массируя ее напряженные плечи, сжимая атласные бока, обхватывая талию, ныряя под упругие ягодицы и коварно, нетерпеливо поглаживая меж ее разведенных ног так, что она вскрикивала от бессовестных прикосновений его пальцев. Его губы прижались к ее губам, и Синильга сама не заметила, как ее руки послушно легли на его плечи, обняли, ласкаясь, нетерпеливо стаскивая прочь с него рубашку.

- Ты же говорил, - шептала она между лихорадочными, жадными поцелуями, подставляя блаженно под его ласки шею, грудь, - что я мерзкая и грязная... дымом горьким пахну... и рыбой...

Ее пальцы зарылись в его пшеничный волосы, она почувствовала, как он подхватил ее и осторожно уложил ее маленькое стройное тело в меха, жарко лаская ее грудь губами.

- Я лгал, - пробормотал он, с каким-то отчаянием прижимаясь лицом к ее мягкой коже, - я сказал неправду. Не дымом и не человеческим грязным жильем ты пахнешь. Снегом. Чистым снегом ты пахнешь, нежная...

Их губы снова слились в поцелуе - страстном, безумном, - словно оба изголодались по ласке, словно только в этом поцелуе они и могли дышать и жить.

- Маленькая колдунья, ты приворожила меня, признавайся?!

Синильга, словно обезумев, прижалась со стоном к Кристиану, крепче обхватила его тонкими руками. Ласкаясь, словно дикий зверек, она покрывала его лицо поцелуями, и он отвечал ей тем же, ладонями разглаживая ее светлые гладкие волосы. Со страстью поцеловал ее в губы, и она застонала, чувствуя, как его язык прикасается к ее языку, лаская откровенно, совершенно развратно, глубоко проникая в ее рот, так, что у девушки живот сводило сладкой судорогой и она сжимала ноги от этой сладкой муки.

- Вся моя будешь, маленькая колдунья. Всю тебя возьму. Всю...

Кристиан поднялся, рывком перевернул девушку на живот, ладонями обнял круглую упругую попку, жадно поцеловал теплую ягодицу, чуть куснул, мягкую, соблазнительную.

- Дразнила меня, да? Нарочно дразнила! Сейчас за все ответишь...

Движения его были неторопливы, плавны. Он целовал и покусывал ягодицы девушки, языком ласкал мокрую дырочку, пульсирующую от желания, заставляя девушку вскрикивать, а его рука вкрадчиво, осторожно поглаживала изнывающую Синильгу меж разведенных ног. Кристиан прекращал свои поцелуи, замирая, вслушиваясь в хриплое, сбивчивое дыхание девушки, его рука нащупывала напряженный клитор меж аккуратных, маленьких губок, скрывающих лоно девушки. Пальцы его двигались настойчивее и быстрее, и тогда спина Синильги начинала извиваться, девушка нетерпеливо двигала бедрами, постанывала жалобно, дрожала мелко-мелко от каждого прикосновения, так, что все ее сильное тело сжималось, словно сведенное судорогой. Тогда Кристиан тихо смеялся, его рука отпускала дрожащую девушку и он снова склонялся над ее телом, снова жадно целовал ее подрагивающие ягодицы, а она стонала - жалобно, разочарованно, - выпрашивая ласки, извиваясь в удерживающих ее руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.